

Г е н р и С а г г с

ВЕЛИЧИЕ ВАВИЛОНА

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
МЕЖДУРЕЧЬЯ

Генри Саггс

**Величие Вавилона. История
древней цивилизации Междуречья**

«Центрполиграф»

Саггс Г.

Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья /
Г. Саггс — «Центрполиграф»,

В своей книге английский востоковед Генри Саггс наиболее полно на сегодняшний день представляет историю Вавилона и Ассирии конца 4-го – начала 3-го тысячелетия до нашей эры. Он разбирает политическую структуру Месопотамии, рассказывает о социальной и культурной жизни общества, особенно подробно затрагивая такие ее аспекты (как экономика или управление), о которых мало упоминается в другой исторической литературе. Большое внимание уделено религии, игравшей огромную роль в древние времена, и литературе как отражению миропорядка. В книге представлена месопотамская хронология в систематизации известных мировых ученых.

© Саггс Г.

© Центрполиграф

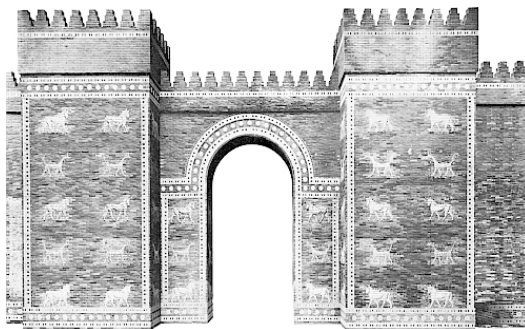
Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Генри Саггс

Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Насколько мне известно, на сегодняшний день нет литературы, которая давала бы относительно полный и соответствующий современным представлениям рассказ о Вавилонии и Ассирии. Этой книгой я попытался восполнить пробел и предназначил ее самому широкому кругу читателей. Для ее понимания не нужны специальные знания, кроме тех, которыми обладает любой грамотный человек, интересующийся древней историей.

Вряд ли стоит акцентировать внимание на том, что, говоря о столь обширном поле человеческой деятельности, очень многие интересные и важные моменты приходится опускать или упоминать о них лишь вкратце. Выбирая темы для более подробного освещения, я старался подчеркнуть те аспекты (такие, как экономика или управление), о которых мало говорилось в другой исторической литературе, и опустить либо затронуть мимоходом те проблемы, о которых уже очень много написано. Поэтому мой рассказ об искусстве Месопотамии ограничен несколькими страницами, а захватывающая история о месопотамских раскопках вообще не упоминается, учитывая большое количество соответствующей популярной литературы. Я не приношу читателям извинения за то, что две длинных главы из четырнадцати посвящены религии. В наш век может показаться странным, но это действительно очень мало, учитывая огромную роль, которую играла религия в жизни древних людей. Мне, к сожалению, пришлось отказаться от рассказа о некоторых темах, которые я бы с удовольствием включил в книгу. Среди них несколько религиозных аспектов, таких как погребальные обряды, понятия древних о загробной жизни и зарождающийся генотеизм, а также технология обработки металлов, тактика ассирийской армии и ряд других.

Читатель не должен обманываться видимой уверенностью, с которой зачастую называются точные даты. Месопотамская хронология – весьма противоречивый предмет, и для 3-го и 2-го тысячелетий действует три главных системы. Мои даты – попытка использовать систему, первоначально разработанную профессором С. Смитом и слегка упрощенную М.Б. Роутоном. Должен подчеркнуть, что, хотя (я надеюсь) указанные даты верны *относительно*, то есть соответствуют друг другу, может быть ошибка в *абсолютной* датировке на век в ту или другую сторону в начале 3-го тысячелетия до н. э. и около десятилетия – в конце 2-го тысячелетия. Большинство дат 1-го тысячелетия до н. э. могут быть с уверенностью даны с точностью до года.

Г.В.Ф. Саггс

Часть первая

ОБЩАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Глава 1

МЕСОПОТАМИЯ ДО 2000 Г. ДО Н. Э.

Одна из сложностей описания древней цивилизации Месопотамии связана с географической терминологией. Само понятие «Месопотамия» неоднозначно: для одних людей, знакомых с британскими операциями на Ближнем Востоке в ходе Первой мировой войны, оно означает регион, расположенный между Тигром и Евфратом и вокруг этих рек от Персидского залива до Мосула. Другие, более подробно разбирающиеся в классических трудах, относят его только к северо-западной части этого района. В настоящей книге автор старался использовать первое понятие «Месопотамия». «Ирак» – тоже допускает различные толкования. Это может быть (и так принято в этой книге) весь регион, занимаемый современным государством с таким же названием. Но для арабистов это понятие имеет более ограниченный смысл. Вавилония и Ассирия – удобные термины: строго говоря, они означают южное и северное царства в рассматриваемом регионе начиная со 2-го тысячелетия до н. э. Однако они часто используются и более свободно, для обозначения южной и северной частей региона без ссылки на политическую организацию во времена до Вавилона. Шумер – это южная, а Аккад – северная часть Вавилонии.

В некоторых эпизодах, особенно в ранней истории, трудно найти логическое оправдание для рассмотрения событий в Ираке в изоляции от окружающей территории. Стремление ограничиться более узкими рамками продиктовано исключительно соображениями объема книги. Поэтому зачастую нам удалось бросить лишь беглый взгляд на события в прилегающих районах.

В Ираке, как и во многих других частях Европы и Азии, сегодня можно проследить деятельность человека до периода палеолита, когда люди еще жили охотой и собирательством, то есть до того, как они перешли к оседлому существованию родовыми общинами и стали контролировать запасы продовольствия, одомашнивая животных и выращивая злаки. На сегодняшний день доказательства существования этой стадии в Ираке незначительны и ограничиваются лишь несколькими стоянками древних людей в горных районах. Однако, хотя свидетельств действительно немного, их все же достаточно, чтобы установить присутствие человека в Ираке (как и в прилегающих к нему районах) уже 100 – 150 тысячелетий назад.

В те времена северная часть Ирака имела совершенно другие, отличные от нынешних ландшафт и фауну. В исторические времена район, включающий Ирак, как и в наши дни, испытывал настолько сильный недостаток осадков, что был практически необитаемым во всех местах, за исключением речных долин. Но таковым его климат был не всегда. 100 тысяч лет назад, когда ледники покрывали большую часть Северной Европы, весь район от атлантического побережья Северной Африки, через Ближний Восток, до Ирана, значительно лучше орошался дождями. В те времена вся эта часть суши представляла собой своеобразный огромный парк с богатейшей растительностью и животным миром. Среди его обширной фауны встречалось и двуногое существо, собирающее пищу, которое мы называем человеком палеолита. В Ираке об этом свидетельствует стоянка в местечке Барда-Балка, где найдены каменные орудия труда, подобные тем, что обнаружены в других частях Азии и Африки. Помимо орудий труда, созданных руками человека, найдены останки животных – слонов и крупных оленей, которые, вероятно, в те времена встречались чаще, чем сам человек.

Стоянки древних людей в конце эпохи собирательства в Ираке найдены в пещерах Зарзи и Хазар-Мерд в Курдских горах, которые можно отнести соответственно к ориньякской и мустьерской культурам. Третья пещерная стоянка – Палегавра, расположенная в том же районе, вероятно, возникла несколько позже. Исследование костей животных с этих стоянок показывает, что в это время, как раз перед началом социологических и экономических перемен, сегодня часто называемых неолитической революцией, человек кормился в основном охотой на крупных млекопитающих – диких лошадей, свиней, овец, коз, оленей и газелей. К этому времени человек уже умел добывать огонь и не употреблял в пищу мясо сырым.

До того как радиоуглеродный анализ или новые технические возможности не дадут более точной информации, невозможно датировать первые человеческие поселения точнее, чем в пределах тысячелетия, иными словами, очень грубо. Однако человеческие общества, представленные этими стоянками, можно отнести примерно к 10-му тысячелетию до н. э.

Переход к экономике, основанной на выращивании сельскохозяйственных культур, в первую очередь злаков, и одомашнивание животных, насколько можно судить по доступной сегодня информации, на Ближнем Востоке произошел в 8-м тысячелетии до н. э. И было это где-то на территории между Палестиной и горным хребтом Загрос. С отступлением ледникового покрова в конце ледникового периода направление несущих дожди атлантических ветров сместилось на север, и на Ближний Восток пришла засуха. Здесь росла дикая пшеница и ячмень, бродили дикие предки собак, коз, овец, свиней и крупного рогатого скота. Человеку в этом районе пришлось, чтобы выжить, заняться производством продуктов питания. Постепенно он спустился с гор на равнины, потому что нехватка съедобных диких растений и дичи, на которую он уже привык охотиться, больше не позволяла ему жить простым собирательством. Как и все революции более поздних эпох, эта перемена была весьма болезненной для тех, кого она непосредственно затронула. Возможно, в какой-то степени она отражена в рассказах об утрате золотого века, существующих во многих мифологиях, а также в Ветхом Завете, в повествовании об изгнании из Эдема. После этого человек, для которого были доступны любые фрукты с любых деревьев, мог есть только хлеб, выращенный собственным трудом.

Неолитическая революция продолжалась несколько тысячелетий. О Ближнем Востоке, где она началась, мы знаем, исследовав большое количество стоянок, которые находились повсюду: от Палестины до Ирана и от Анатолии до Южной Аравии. Поскольку образ жизни человека изменился, такие стоянки обычно были уже не в пещерах (хотя неолитический человек все еще мог использовать пещеры в некоторых обстоятельствах для жилья, что делают и современные курды в наши дни), а на открытых площадках. Как следствие их выгодного географического положения и человеческого консерватизма, такие площадки нередко заселялись на много веков, а иногда и тысячелетий, до начала исторического периода, а то и до наших дней. Не единожды при раскопках курганов, образовавшихся на месте древних поселений из отходов человеческой деятельности, их нижний слой датировался периодом неолита. Такой искусственный холм, состоящий из остатков разных периодов, обычно называют *тель* или *тепе*. Поскольку раскопка телей на нужную глубину, позволяющую обнаружить слой неолита, – дело сложное и дорогостоящее, в настоящее время большая часть информации получена с тех мест, которые не были заселены в исторические времена. Известное, но далеко не единственное исключение – Иерихон (Тель-эс-Султан), которое также считается одним из первых известных неолитических поселений, если принять датировку производивших его раскопку археологов, которая многими подвергается сомнению. Археологи (помимо всего прочего, на основе радиоуглеродного анализа двух образцов) утверждают, что оно было основано в примерно 7500 г. до н. э. и до 6800 г. до н. э. достигло размеров города площадью 10 акров с населением около 2 тысяч человек. Дома в нем были глинобитными, с земляными полами и крышами, вероятно крытыми ветками и скрепленными глиной. Мертвых хоронили под полом, соблюдая удивительный культ, при котором голову хоронили отдельно от тела.

Начало выращивания съедобных растений и одомашнивания животных, учитывая практически неограниченные земельные угодья, способствовало существенному росту населения. Деревенские общины быстро росли, семьи в них были объединены совместным трудом и защитой от нападений. Впоследствии относительная стабильность в обеспечении продовольствием позволила освободить время и перейти к некоторой специализации. Два аспекта специализации имели практически неограниченные последствия для деятельности человека. Во-первых, это развитие ремесел, а во-вторых – появление особой социальной группы, профессионально занимавшейся религиозным ответом человека на шаблон, наложенный на его жизнь сельскохозяйственным циклом.

Свидетельства начала выращивания зерновых культур обнаружены на стоянках древних людей в районе горы Кармель, которые датируются самым концом периода палеолита. Здесь были обнаружены серпы в виде кремневого «зуба» на костяной рукоятке. Ими пользовались люди, которых мы сегодня называем натуфийцами. Исследование режущих кромок кремневых лезвий показало, что их использовали для срезания стеблей зерновых растений. Это, однако, может означать только употребление в пищу дикорастущей пшеницы и ячменя, характерных для этого района, а не возделывание собственных полей. У натуфийцев определенно не было домашнего скота, однако, судя по некоторым признакам, они приручали собак.

Если очень ранняя дата поселения в Иерихоне все же не подтвердится, самое раннее свидетельство начала перехода от собирательства к производству продуктов питания найдено на открытой стоянке в Карим-Шахире, восточнее Киркука. На ней жили люди только в период между 7000 и 6000 гг. до н. э. Здесь обнаружены кости таких животных, как козы, овцы, свиньи и лошади, которые если и не были еще полностью одомашнены, то до завершения процесса уже оставалось недолго. Кроме того, были найдены лезвия серпов, ручные мельницы и мотыги, что предполагает выполнение отдельных сельскохозяйственных операций, хотя следов зерна обнаружено не было. Также были найдены каменные полы, очаги и, вероятно, то, что было емкостями для хранения. Архитектурные детали домов, в которых все это находилось, остаются неизвестными.

Карим-Шахир отмечает раннюю стадию эволюции и все же вряд ли может рассматриваться как неолитическая деревня: на самом деле то, что ее населяли не сезонно, ничем не подтверждается. Еще предстоит заполнить большой промежуток во времени и последовательности культур между этим поселением и Джармо, расположенным также восточнее Киркука, которое датировано 5000 г. до н. э. или чуть позже. (Тем, кто считает верной дату 7500 г. до н. э. для неолитического поселения в Иерихоне, придется датировать Джармо 6000 г. до н. э., несмотря на анализ радиоактивным углеродом.) На этой стоянке найдены прямолинейные дома, состоящие из нескольких комнат. Стены и полы были выполнены из *мизе* (мятая глина с соломой) с каменными фундаментами. В домах были встроенные глиняные очаги с дымовыми трубами и глиняные резервуары в полах. Еще там были найдены фигурки из глины (в основном необожженной) животных и богини-матери. Судя по всему, богиня-мать, представленная такими статуэтками, являлась центральной фигурой в религии неолита, в которой плодородие было жизненно важным для общества. Кроме того, были обнаружены удивительно гладкие известняковые чаши, украшения (главным образом браслеты и бусы) и кремневые инструменты, в основном микролиты¹, типичные для неолитического периода. Только на более поздних стадиях в Джармо найдены гончарные изделия, и отсутствие каких-либо следов ранних стадий изготовления керамики говорит против гипотезы о зарождении этого важного вида деятельности именно здесь. Это негативное свидетельство, однако, не является решающим, потому что

¹ Микролиты – миниатюрные каменные орудия человека в каменном веке. Выполняли функцию мелких лезвий или служили для изготовления крупных орудий труда. Использовались как наконечники для стрел. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.)

на самых ранних стадиях, вероятно, изготовление гончарных изделий заключалось в обмазывании глиной плетеной корзины, а от этого следы и не могли остаться.

К периоду Джармо почти все найденные кости животных – более 90 процентов – принадлежали домашним или поддающимся одомашниванию животным, таким как домашний козел (отличающийся от своего дикого горного собрата формой рогов), овца, свинья, лошадь, крупный рогатый скот. Было выдвинуто предположение, что, поскольку к этому времени люди уже начали обрабатывать землю, в Джармо вполне могли использовать быков для пахоты. Против этого предположения говорит то, что на одной из самых ранних цилиндрических печатей, датированной двумя тысячелетиями позже, изображен человек, тянущий примитивный плуг. По крайней мере два вида пшеницы (представленные карбонизированными зернами однозернянки и двузернянки) использовались в Джармо, а также какой-то вид гороха. Использование зерновых культур подтверждается также наличием ручных мельниц, ступ и примитивных веялок. Ячмень, очень важная культура для Месопотамии, в Джармо не обнаружен. Вероятно, его начали выращивать позже, а еще позже – овес и рожь. Зерновые культуры в Джармо поджаривали в печи, растирали и ели в виде кашицы или замешивали тесто, из которого пекли пресный хлеб. Из забродившей кашицы готовили пиво.

То, что в Джармо была настоящая постоянная деревня, не вызывает сомнений. Там обнаружена последовательность из восьми уровней полов, означающая, что в ней жило по крайней мере восемь поколений. Другая неолитическая стоянка в Ираке – Мулаффат, расположенная между Мосулом и Эрбилем, примитивнее, чем Джармо, и, вероятно, возникла чуть раньше. Тем не менее это полностью сформированная полноценная деревня. Гирд-Али-Ага, стоянка, расположенная севернее Эрбиля, относится к более позднему периоду, но еще не обнаруживает отчетливых связей с первой из строго очерченных культур – хассунской.

Между стадиями человеческого развития, представленными Джармо и сравнительно продвинутыми цивилизациями, сегодня датируемыми началом 3-го тысячелетия до н. э., обнаруживается существенный прогресс в нескольких сферах деятельности. Некоторые археологи, считая, что столь экстенсивное развитие не может быть втиснуто в рамки каких-то двух тысячелетий, утверждают, что, хотя данные анализа радиоактивным углеродом, определившие возраст Джармо, не подвергаются сомнению, само поселение было лишь заводью в общем потоке развития. Оно представляет собой культурную стадию, которая в других местах была заменена тысячелетием раньше. Против этой позиции говорит присутствие в Джармо обсидиана. Ближайший источник этого камня находится в Анатолии, то есть на расстоянии нескольких сотен километров, так что в Джармо, вероятно, существовали торговые отношения с внешним миром. Поэтому вряд ли есть основания полагать, что поселение находилось в некой культурной изоляции в остальных отношениях. И мы приходим к выводу, что культурное развитие после этого периода, вероятнее всего, шло намного быстрее, чем предполагалось ранее.

Самая ранняя культура в доисторическом Ираке – хассунская. Она получила свое название по названию поселения, расположенного к западу от Тигра, немного южнее Мосула. Кроме поселения, давшего название культуре, принадлежащие к ней же поселения были найдены в Матарре (южнее Киркука), Ниневии и других местах.

В хассунской культуре можно выделить несколько фаз. Первое поселение в самой Хассуне развилось уже после самых ранних стадий производства продуктов питания, что доказывает присутствие мельниц, каменных инструментов, предположительно являющихся мотыгами, и гончарных изделий, включая сосуды для хранения зерновых. Однако оно было типично неолитическим в том смысле, что, если не считать ввоза обсидиана, оставалось замкнутой независимой экономической единицей. Более того, оно было не просто неолитическим, а ранним неолитическим, потому что присутствие глиняных «пуль» для пращи (или рогатки?) означает, что охота все еще играла важную роль в обеспечении людей продовольствием. Инструменты предполагают, что там практиковалось мотыжное земледелие. Известно, что оно довольно

быстро истощало почву, и потому примитивные общины время от времени были вынуждены перебираться на другое место. Можно сказать, что ранние неолитические общины хассунской культуры оставались в какой-то степени кочевыми.

После первой стадии временного заселения хассунских стоянок последовал длительный период их продолжительного заселения, предполагающий, что начали внедряться более эффективные сельскохозяйственные методы (в первую очередь вспахивание), предотвращающие быстрое уничтожение плодородного слоя почвы. Появились типичные восточные дома. Они состояли из нескольких комнат, сгруппированных вокруг центрального внутреннего двора. Подобные дома до сих пор строятся в Ираке. В хассунский период появились камни с гнездами, на которых могла двигаться дверь. Найдены глиняные печи для выпечки хлеба, а для сбора урожая зерновых – серпы, состоящие из кремневой пластины, закрепленной на деревянном основании с помощью смолы. Металл пока не использовался.

Украшенные гончарные изделия, важные не только для эстетического восприятия, но и являющиеся признаком культуры, с которой они ассоциируются, появились также в хассунский период. Изделия, идентичные хассунским, были найдены даже в Амуке (Сирия) и Мерсине (Киликия). Это подтверждает предположение, что хассунские поселения с самого начала были частью обширной культурной группы. Обсуждается и их связь с Ираном. В этот период получила развитие торговля и, кроме обсидиана, стали ввозиться и другие полудрагоценные камни, такие как бирюза и малахит. Они использовались для изготовления бус и амулетов. Наверняка перевозились и другие товары, только они были скоропортящимися и не оставили следов своего присутствия археологам.

Религиозные идеи хассунского периода нашли свое отражение в существовании глиняных статуэток богини-матери и погребении детей в сосудах под полами домов. Присутствие сосудов, ассоциирующихся с погребениями и, возможно, содержащих пищу и воду, намекает на веру в жизнь после смерти.

Для более поздней части хассунской культуры характерны гончарные изделия с украшениями из геометрических фигур и стилизованных изображений животных. Это самаррская керамика, получившая свое название от известного поселения в среднем течении Тигра, где она была впервые обнаружена в 1911 г. Она была также найдена при раскопках других поселений в среднем течении Евфрата и на севере, включая Ниневию. Пока нет твердой уверенности в ее точной хронологической позиции в последовательности культур. Взгляды археологов расходятся даже на то, что именно должно включаться в понятие «самаррская керамика». Р.Дж. Брэйдвуд считает, что самаррская керамика представляет не «культуру» (слово, которое ему в таком контексте не нравится) и даже не «скопление» (этому слову он явно отдает предпочтение). Для Брэйдвуда, слово которого имеет вес, самаррская керамика – это лишь нечто чуть большее, чем стиль украшенных гончарных изделий. Учитывая эти ограничения, можно упомянуть, что есть археологи, которые видят связь между культурой, ассоциирующейся с самаррской керамикой, и современной иранской цивилизацией. Во-первых, есть много общего между дизайном самаррской керамики и керамикой с других иранских раскопок. Кроме того, хотя свидетельств, связанных с погребальными обрядами, немного, те, которые есть, поддерживают теорию о связи между Ираном и людьми, ассоциирующимися с самаррской керамикой. Последние хоронили своих умерших лежащими на спине. В таком же положении хоронили своих покойников представители обейдской (убейдской) культуры, которые, по общепризнанному мнению, имеют иранские корни. Можно привести аргумент против последнего утверждения. Существует убедительное доказательство (см. далее в этой главе), разъединяющее две упомянутые выше культуры. Ни одна конструкция самаррского периода (строители которого использовали крупные необожженные кирпичи) еще не была раскопана таким образом, чтобы можно было сравнить архитектуру этого периода с архитектурой других доисторических культур. Что касается религии самаррских людей, учитывая крайнюю скудность свидетельств, можно ска-

зять только одно: религия по большей части являлась культами плодородия, ассоциирующимися с богиней-матерью, и всю использовала магию.

Новая и очень красивая желто-коричневая керамика, раскрашенная в красный, белый и черный цвета, является признаком халафской культуры – по названию Тель-Халаф, где она была впервые обнаружена. Представляется очевидным, что люди, научившиеся изготавливать такую красивую керамику, также внесли определенные усовершенствования в другие технологические процессы. Они выращивали больше зерновых культур и продвинулись в процессе одомашнивания животных, а находка вверенных блоков предполагает существование текстильной промышленности. В то время как камень оставался обычным материалом для изготовления инструментов, теперь появились бусы, заколки и даже некоторые орудия из меди. Прекрасное качество керамики предполагает наличие печей для обжига и сушки, в которых поддерживались высокие температуры. Остатки таких печей были действительно найдены в Каркемише и Арпачии. Возможно, учитывая немалый опыт, необходимый для работы с такими печами, гончар уже стал ремесленником.

Представляется вероятным, что появление колесных транспортных средств тоже произошло в халафский период. Основанием для такого предположения является изображение колесницы на халафской вазе.

Что касается религии, определенно представители халафской культуры верили в загробную жизнь, поскольку хоронили вместе со своими усопшими горшки, инструменты и украшения, предназначенные для использования их в ином мире. Глиняные статуэтки богини-матери являются свидетельством существования культа плодородия.

Существует много свидетельств существования торговли между общинами в этот период. Община халафской культуры добывала обсидиан в районе озера Ван. И вообще обсидиан широко использовался в халафских деревнях. Более того, в халафском поселении Чагар-Базар на Хабуре (Хаворе) (северо-запад Месопотамии) была найдена раковина моллюска, который мог быть доставлен только с Персидского залива.

В халафских деревнях – пожалуй, их было бы правильнее называть маленькими городами – были найдены мощенные камнями улицы. К сожалению, мы очень мало знаем о достижениях в области домостроения: было обнаружено несколько удивительных сооружений – круглые здания с куполообразными крышами. К ним примыкали длинные прямоугольные помещения. Сейчас их называют *толои* (*tholoi*). Каким бы ни было их назначение, они определенно не были частными домами. Толои интересны своей куполообразной крышей. Их возведение означает, что представители халафской культуры понимали принцип свода. За исключением Тепе-Гавры, где они встречались и дальше – в обейдский период, сооружения такого типа никогда не встречались после халафского периода. Учитывая консерватизм человеческих существ во всех вопросах, касающихся религии, это может означать, что сооружения имели все же светское, а не религиозное назначение. Правда, возможен и другой вариант. Они имели какие-то религиозные функции, а их полное исчезновение объясняется тем, что они были связаны с культом, который представители обейдской культуры полностью искоренили. То, что представители обейдской культуры сильно отличались от своих предшественников в вопросах религии, показывает тот факт, что они убрали из своего искусства все следы изображений людей и животных, которые имелись в предшествовавших культурах.

Халафская культура, возможно, появилась в Ассирии, где можно проследить несколько стадий ее развития. Во всей своей полноте она распространилась до побережья Сирии и Киликии, достигла Армении, а на юг продвинулась до Самарры. Но тот факт, что она появилась полностью сформировавшейся и иногда смешанной с чертами других культур, показывает, что ни в одном из этих мест она не возникла. Негативное свидетельство, касающееся места зарождения халафской культуры, дает и тот факт, что никаких ее следов не найдено в Иране. Что касается всего остального, здесь наличествует обширнейшее поле для гипотез и догадок. Представ-

ляется, что халафские люди не были захватчиками, вытеснившими предыдущую культурную группу. Распространение их культуры, насколько сейчас известно, сходно с распространением хассунской культуры, а это означает, что сложившаяся модель отношений между поселениями не была серьезно нарушена их прибытием.

Примерно в этот период началось заселение Южного Ирака, и есть свидетельства доисторического периода о ряде отдельных слоев населения, различавшихся такими признаками человеческой жизнедеятельности, как используемая керамика, манера погребения, типы зданий. В самом начале 3-го тысячелетия до н. э. можно распознать по крайней мере три этнических и культурных элемента в Вавилоне. Первыми по важности с точки зрения последующего развития были шумеры, которым по большей части и приписывается возникновение месопотамской цивилизации. Также были семиты, чье культурное и этническое влияние постоянно возрастало вследствие мирных процессов или яростных набегов их воинственных сородичей с запада. Кроме этого должен был существовать и третий элемент, потому что названия многих шумерских городов принадлежат языку, который не был ни шумерским, ни семитским. Да и в шумерском языке немало слов, которые по происхождению не являются ни шумерскими, ни семитскими. Поэтому невероятно заманчиво попытаться идентифицировать эту группу с разными доисторическими группами, которые можно проследить в Южном Ираке по керамике из 4-го тысячелетия. В настоящее время ученые не пришли к единому мнению.

До недавнего времени считалось, что весь Южный Ирак, от территории севернее Багдада, был построен начиная с палеолитических времен годовыми илистыми отложениями Тигра и Евфрата, а самая южная его часть, от Ура и Эриду на юг, стала обитаемой только к началу неолита. Это мнение сейчас оспаривают геологи, которые заявляют, что весь бассейн Тигра и Евфрата опускается примерно с той же скоростью, как илистые наносы, и что в период плейстоцена Персидский залив не только не отступил, но и протянулся на северо-запад, затопив то, что раньше было сушей. Как бы то ни было, заселение Южного Ирака произошло позднее по сравнению с остальными частями Ближнего Востока и нет никаких следов его занятости во время палеолита и неолита. Единственный скребок эпохи палеолита, найденный на дне древнего озера в районе Кербелы, почти наверняка был занесен туда в глубокой древности Евфратом. Палеолитический человек предпочитал горные районы, где естественные пещеры представляли убежище рядом с пастбищами, где он мог найти дичь для охоты. Неолитический человек тоже не стремился в заболоченные равнины, остановившись на тех участках, где хватало осадков для земледелия. Было или нет перенаселение северных земель, которое в конечном счете подтолкнуло колонизацию Вавилонии, до сих пор обсуждается. Некоторые авторитетные люди считают более вероятным, что первоначальная иммиграция пришла из Ирана, где климатические условия до 4-го тысячелетия до н. э. были намного ближе к условиям Южной Месопотамии, чем сегодня. Иран еще не был безводной соляной пустыней, и реки без стока, должно быть, создавали болота, такие же, как существовали тогда (и сейчас) в Южном Иране.

Первое поселение в Южной Вавилонии – Эриду, которое населяли шумеры спустя тысячу лет, по времени соответствует халафской и самаррской культурам. Археологи раскопали девятнадцать слоев и обнаружили, что самый старый слой – XIX лежит на девственной почве. Основываясь на находках керамики и архитектуры, они отнесли слои XIX – XV к одной культурной фазе и назвали ее культурой Эриду. Происхождение первых поселенцев Эриду продолжает обсуждаться. Если, как думают некоторые, они действительно были протошумерами, согласно шумерским традициям, можно предположить, что они пришли с юго-востока. В настоящее время нет археологических свидетельств, которые могли бы подтвердить эту точку зрения, хотя утверждают, что остатки древней культивации видны на аэрофотосъемке под северной оконечностью Персидского залива, и это может быть недостающим звеном. Некоторые авторитеты связывают людей Эриды с горами Элама, а другие рассматривают их, на базе сходства их гончарных изделий с керамикой Халафа и Самарры, как южную часть

миграции сельскохозяйственного населения халафской и самаррской культур. Профессор Гордон Чайлд считал культуру Эриду просто ранней формой последующей обейдской цивилизации. Он утверждал, что керамика, методы строительства и религиозные обряды показывают непрерывность при переходе между периодами Эриду и Обейда, поэтому нет необходимости допускать культурный интервал между ними.

Поселенцы Эриду, должно быть, с самого начала образовали земледельческую общину, хотя в их экономике существенное место могла занимать рыбная ловля. С самого начала климатические условия, вероятно, заставили их заниматься созданием дренажной системы, строительством каналов и орошением. Все это имело широкие социальные последствия, поскольку потребовало объединения людей в значительно более крупные группы, чем проживали в типичной неолитической деревне. Иными словами, таким образом был подготовлен путь к городам-государствам 3-го тысячелетия.

Небольшое святилище из необожженных кирпичей было построено первыми поселенцами Эриду, и это место, скорее всего, считалось имеющим особенную святость, потому что по крайней мере двенадцать храмов было впоследствии возведено или перестроено в доисторические времена на том же самом месте. В исторический период храмы строили там же.

В Южном Ираке была еще одна доисторическая культура (возможно, некоторые предпочитают называть ее скоплением), о которой нет единого мнения. Ее называют Хаджи-Мухаммед по поселению недалеко от Варки, где была впервые обнаружена ее чрезвычайно примечательная керамика. Такие же гончарные изделия присутствуют и в некоторых других поселениях Южного Ирака, и культура вполне может быть ранней стадией знаменитой обейдской культуры.

Обейдская культура знаменует новую и чрезвычайно важную фазу протоистории Месопотамии. Хотя в конце концов она распространилась на север до верховьев Тигра и Хабур, где вытеснила халафскую культуру, своего наивысшего расцвета она достигла в Южной Вавилонии. Эта культура была высокоэффективной крестьянской экономикой, основанной на ирригации. Самое распространенное сырье, а именно глина, регулярно использовалось для таких вещей, как лезвия серпов, гвозди и кирпичи, но камень также оставался в употреблении для инструментов и отдельных сосудов. Принимая во внимание человеческий консерватизм в вопросах религии, можно предположить, что упомянутые сосуды имели отношение к религиозным культам. Использовали ли представители этой культуры металл? На этот счет у ученых нет единого мнения. Однако, несмотря на предположение, что топоры из обожженной глины являлись моделями настоящих инструментов из меди, следы которых исчезли из-за влажной почвы, этих топоров было найдено слишком много, и представляется очевидным, что это все же были не модели, а реальные вещи, широко использовавшиеся в быту. Или представители обейдской культуры в месте ее зарождения (обычно им считают Иран) не знали металла, или они не сумели наладить торговлю для его получения из прежних источников после миграции на новое место жительства. Между тем орудия труда из обожженной глины вполне могли казаться представителям обейдской культуры вполне удовлетворительными для выполнения всех необходимых функций, потому что вавилонская глина относительно легко спекалась и образовывала изделие настолько прочное, что его было тяжело разбить даже молотком.

Промежуток времени, в течение которого существовала обейдская культура, обозначен существованием шести или семи последовательно возведенных храмов обейдского периода в городе Эриду. Но преобразовать его в абсолютный промежуток времени не так просто. Глинобитные сооружения довольно быстро разрушались, и предположение профессора Гордона Чайлда, что в среднем каждый храм существовал около 100 лет, вероятнее всего, чрезмерно, поскольку мы находим упоминания о храмах 1-го тысячелетия до н. э., разрушившихся в течение 40 лет. Таким образом, период в 600 лет, к которому пришел профессор Чайлд, судя по всему, необходимо сократить вдвое.

В городе Эриду храм, стоявший на том же самом месте, который выбрали первые поселенцы обейдской культуры для своего святилища, был по тем временам внушительным сооружением с контрфорсами, построенным на плоской возвышенности. Его план – длинный центральный неф с помещениями, открывающимися с каждой стороны, – соответствовал генеральному плану более поздних шумерских храмов. Судя по остаткам рыбных костей в святилище Эриду, богам приносили рыбу, что, безусловно, являлось признаком важности рыболовства для экономики или того периода, или, возможно (опять-таки учитывая человеческий консерватизм в религиозных вопросах), более раннего периода. Рыбные приношения могли также означать, что бог Эриду был водным богом в обейдский период, каким он, безусловно, был позднее. Это намек на то, что некоторые аспекты более поздней шумерской культуры уже существовали. На самом деле общее развитие храмов обейдского периода означает, что общественный уклад, характерный для позднего Шумера, в котором бог был владельцем земли, а его храм – центром общества, появился уже тогда.

Распространение обейдской культуры на север было быстрым и экстенсивным, потому что во многих местах халафская культура прекратила свое существование в период своего расцвета, определенные характерные религиозные символы в искусстве исчезли внезапно, без периода какого-либо упадка. Тем не менее халафские люди не были уничтожены, и при раскопках Тепе-Гавры, то есть в одном из мест, где распространение обейдской культуры на север доказано, были обнаружены толои – сооружения, характерные для халафской культуры. Также, несмотря на отсутствие в обейдском искусстве изображений людей и животных, такие изображения сохранились на керамике Тепе-Гавры даже в конце периода.

За исключением упомянутого выше примера, следы изображений людей и животных на керамике обейдского периода отсутствуют на всем его протяжении во времени и пространстве. Это предполагает некое табу на изображение людей и животных, вроде того, которого так строго придерживались древние евреи и позднее мусульмане. Халафские и обейдские люди также отличались использованием амулетов и фигурок. Статуэтки богини-матери, столь характерные для халафской и самаррской культур, полностью отсутствуют в обейдском слое Эриду, хотя встречаются в некоторых других поселениях обейдского периода.

Такие факты, означающие существенные различия в религиозных концепциях, отвергают предположения, что исконные представители обейдской культуры были мигрантами халафской и самаррской культур.

Хотя обейдская экспансия представляла собой первую единую цивилизацию всей Месопотамии и окружающих ее земель с культурными связями, которые можно проследить от Индской долины до Египта, и с другими общинами, аналогичными в своей основе, она оставалась по сути крестьянским сообществом. Люди жили в деревнях, в глинобитных постройках, камень встречался редко и использовался только для дверных проемов, очагов и мощения улиц. Также камни использовались в дренажных системах.

Религиозные концепции обейдских людей подтверждаются их захоронениями, которые отражают веру в загробную жизнь, а также статуэтками. Фигурки (все женские) встречаются двух типов: с человеческими головами и гротескные. Последние, вероятно, указывают на веру в демонов.

Обейдская цивилизация была той ступенью доисторического развития, которая по праву может считаться единой культурой всей Месопотамии: в последующих фазах отмечены выраженные различия между развитием севера и юга. Некоторые ученые рассматривают культуру обейдского периода как предшествующую шумерам следующего тысячелетия. С этим взглядом согласиться довольно сложно, поскольку шумеры, насколько нам известно, никогда не занимали такую территорию, как обейдская цивилизация.

В Южном Ираке, позднее Шумере, следующая культурная ступень привнесла революционное изменение – создание городов, и, чтобы описать ее, необходимо забежать несколько

вперед. Объединение общин на юге в города почти наверняка было продиктовано реками: чтобы использовать их эффективно, необходима была более широкомасштабная кооперация, чем могли обеспечить маленькие изолированные примитивные деревни. Аналогичные изменения произошли и в двух других цивилизациях, существовавших в речных долинах – на Ниле и Инде. Сегодня археологические находки указывают на то, что в Месопотамии они произошли раньше и некоторые явившиеся логическим результатом этих изменений аспекты материального прогресса распространились оттуда на восток и на запад. Эта фаза, известная как урукская, была впервые распознана в Варке (древнее название этого места – Урук, он же Эрех из Быт., 20: 10) и Телло (древний Лагаш), а позднее – в Эриду, Уре и Тель-Укайре (около 60 километров к югу от Багдада). Варка, поселение, давшее название всей фазе, особенно важно по двум причинам. Во-первых, это поселение, очевидно, было самым центром ранней шумерской цивилизации. Во-вторых, проводимые там раскопки стали ярким примером (в Ираке, где археология всегда считалась чем-то лишь немного большим, чем поддержанной музеями охотой за сокровищами) истинной научной археологии. И заслуга в этом, безусловно, принадлежит успешным немецким ученым, в первую очередь доктору Х. Ленцену.

В археологических раскопках слои обычно (но не всегда) нумеруются сверху вниз, так что наименьшее число обозначает самый поздний период, а наибольшее – самый ранний. В Варке самые ранние фазы (слои XVIII – XV) – это Обейд (точнее, Обейд I). К концу периода для строительства домов стали использовать обожженные кирпичи, хотя это было еще не слишком распространено. Гончарные изделия слоев XIV – IV (некоторые археологи считают, что последней цифрой должно быть не IV, а V или VI) образуют однородную группу, такую, что эти слои были взяты в целом для представления отдельного периода в месопотамской протопроисхождении, получившего название Урук. В урукский период не произошло наложения абсолютно нового слоя населения на то, что существовало в обейдский период, поскольку, например, ранние урукские храмы в Эрило продолжали архитектурные традиции предшествующего обейдского периода. Более того, свидетельства из Варки показывают, что произошло некоторое наложение, и гончарные изделия, типичные для обейдского периода, были найдены в слоях XII – VII, хотя они уже не были основным типом. Поздние обейдские гончарные изделия называют Обейд II.

Как показывают свидетельства из Эриду, ранние храмы урукского периода продолжили строительные традиции предыдущего обейдского периода, используя в качестве строительного материала высушенные на солнце кирпичи. Постепенно урукские храмы стали больше и роскошнее и к концу периода стали основной чертой месопотамского ландшафта. На плоской шумерской местности они были видны с больших расстояний, объявляя всем, кто их видел, насколько богат и великолепен городской бог. Впечатление усиливалось красками: до слоя VI стены и колонны храмов украшались глиняными гвоздями, причем их головки окрашивали в красный, белый и черный цвета, располагая их наподобие мозаики (см. фото 2).

В храме слоя V мы находим важную инновацию. Он был построен на фундаменте из известняковых глыб, уложенных на постель из пизе, и это было сочтено признаком появления горного народа, знакомого с искусством обработки камня. Есть и другое свидетельство проникновения чужеземцев, поскольку урукский период (не только слой V), несомненно, имеет большое число инноваций, среди которых новые формы гончарных изделий, гончарное колесо, появление лука. Хотя металл был уже известен представителям халафской культуры и северной части (правда, не первоначально южным поселениям) Обейда, только в урукский период металл стал повсеместно использоваться. Медную утварь находили с слоя XI и далее. Если эти перемены основаны на проникновении чужеземцев, свидетельства указывают на как минимум два новых элемента, главный – придавший цвет всему периоду в целом, и вспомогательный – горный народ, появление которого отмечено известняковым храмом слоя V и внедрением письменности – слой IVa или IVb (ученые не имеют единого мнения). Было высказано предпо-

ложение в основном на основании связи новой урукской керамики и некоторых типов гончарных изделий из Палестины и Сирии, что главным новым расовым элементом был семитский, но этот вывод – вовсе не обязательно неверный – выходит за пределы текущих свидетельств. Горным народом вполне могли стать люди, впоследствии известные как шумеры, но это, опять же, не доказано.

Период, представленный слоем Урук IV (подразделенный археологами на IVc, IVb и IVa в порядке возраста) особенно интересен, поскольку в нем (точнее, в слое IVb или IVa) мы встречаем самое удивительное изобретение периода – письменность. Появление письменности – настоящий прорыв цивилизации, в отличие от изменений типов гончарных изделий. Поэтому термин «протолитературный» часто используется для обозначения всего периода, в котором имело место появление письменности. Он используется и в настоящей работе, когда не вызывает неопределенности. Его несомненное удобство несколько уменьшается тем, что разные ученые вкладывают в него разное значение. Все считают, что он окончился в слое Урук III (или Урук II, как Джемдет-Наср), но началом его полагают самые разные периоды между слоями Урук VIII и V.

голова

лев

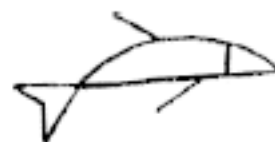
змея

нога, идти

бык

рыба

нижняя часть тела,
середина

свинья

тростник

женщина

птица

пальма

Ранние пиктограммы

Некоторые утверждают, что урукская письменность, с которой мы впервые столкнулись в слое IVa (или IVb), имеет прародителей, которых мы просто не знаем. Это, конечно, возможно, хотя убедительных доказательств пока нет. Появление письменности произошло тихо. Она возникла не для того, чтобы служить религии (разве что косвенно), и не как средство передачи истории, литературы или умных мыслей, а ввиду совершенно прозаической задачи – ведения храмовых счетов. Схематичные изображения предметов и значки, обозначающие числа, наносились тростниковыми палочками на самой доступной в Месопотамии и уже готовой для использования поверхности – сырой глине. Многочисленные примеры были найдены начиная со слоя IVa в Уруке. Идентичность изображенных предметов во многих случаях очевидна. Конечно, во многих случаях изображенные предметы упрощены и стилизованы, и это главная причина предположения, что письменность, обнаруженная нами в рассматриваемый период, уже прошла некую изобразительную стадию. Кроме того, удивительное число пиктограмм изображает диких животных, о которых вряд ли могла идти речь при инвентаризации храмовых запасов. Это значит, что некоторые знаки могли иметь другие значения, чем конкретные предметы, которые они изображали. Примеры пиктограмм приведены ниже.

Глина довольно долго оставалась самой распространенной поверхностью для письма в месопотамской истории. С божеством, покровительствовавшим искусству письменности, ассоциировался тростник, растение, из которого обычно изготавливали пишущие элементы. Поскольку глина, подвергнутая сушке и, тем более, обжигу, является материалом практически неразрушаемым, в почве Ирака сохранилось большое количество глиняных табличек, датированных начиная с 3000 г. до н. э. и кончая периодом, когда этот материал вышел из употребления для письма, то есть примерно временем Христа. Форма и размеры таких табличек с надписями (называемых клинописными табличками, хотя для ранних форм письменности термин «клинопись» не вполне подходящий) удивительно разнообразны. И если первые таблички в той или иной степени овальные или круглые, как раздавленная булочка, более поздние почти всегда прямоугольные. Размеры варьируются от спичечного коробка до большого блокнота. Таблички обычно были достаточно маленькими, чтобы их было удобно держать в руке.

Поскольку ранняя письменность была полностью пиктографической, а, как известно, письменный язык нельзя проанализировать, если в нем, в дополнение к пиктограммам, нет морфологических или грамматических элементов, невозможно сказать с уверенностью, на каком языке говорили создатели урукской письменности. Ко времени, когда развитие письменности достигло стадии, на которой вполне узнаваемыми являются грамматические элементы, язык был определенно шумерским.

Архитектура позднего урукского периода также развивалась довольно интересно, и уже говорилось о каменном храме слоя V в Уруке. В периоде, соответствующем слоям Урук VI–IV, появился зиккурат – высокая ступенчатая башня. Позже они господствовали во многих месопотамских городах. В древнееврейских и христианских преданиях сохранилось упоминание об одном из зиккуратов – Вавилонской башне. Ранний зиккурат в Уруке состоял из высокой террасы протяженностью более акра, построенной из пизы и необожженного кирпича. Углы ее были ориентированы на север, юг, запад и восток, и она поднималась на 40 футов над долиной. На вершину можно было подняться по лестнице или рампе. На части террасы стоял храм, покрытый белой штукатуркой, обычно называемый Белым храмом (см. фото 1). Белый храм представлял собой прямоугольное помещение, которое тянулось с северо-запада на юго-восток, с комнатами с двух длинных сторон. Монотонность внешних стен нарушалась рядом вертикальных углублений, своего рода украшений, ставших традиционными для месопотамских храмов. Храм, такой же в плане, стоящий на высокой террасе (на этот раз двухступенчатой), в тот же период был построен в Тель-Укайре и известен как зиккурат Ура (см. фото 4). Ценную помощь

в установлении формы таких сооружений оказали не только остатки фундамента, но также фрагменты каменных моделей, найденные в Варке.

В Варке есть и другие храмы периодов Урук IV и III – II (Джемдет-Наср), но о формах поклонения божествам в это время известно немного. Один из самых впечатляющих храмов был сооружением крестообразным в плане, с тремя отдельными целлами во главе креста, что может означать поклонение некой троице богов. Здесь не было найдено ни алтаря, ни стола для приношений, ни других возвышений. Доктор Ленцен отметил, что во время позднего урукского периода храмы существовали парами, что предполагает наличие божественной четы. На протяжении всего исторического периода «действующим» верховным божеством в Уруке была Иннин, чье имя также произносится (вероятно, из-за неправильной этимологии) как Инанна, что по-шумерски означает «Владычица небес». Использовалось ли одно из этих имен в урукский период, сказать невозможно. В исторический период богиня в некоторых случаях ассоциировалась со своим отцом Аном или Ану, но чаще всего – с Думузи (Таммуз в Иез., 8: 14), хтоническим божеством, с глубокой древности известным как бог растительности, произрастания. Хотя имя Думузи определенно не встречается до 3-го тысячелетия до н. э., божество плодородия с такими же чертами было центром культов значительно раньше. Таким образом, существует вероятность того, что божественной парой, которой поклонялись в позднем Уруке, были Думузи и Иннин.

Между тем, хотя кое-что о религии урукского периода можно узнать, изучив храмовую архитектуру и погребальные обряды, это, по крайней мере в конце периода, не единственное свидетельство. Мы также можем получить информацию благодаря другому изобретению представителей этой культуры – цилиндрической печати. Эта печать, впоследствии широко применявшаяся в месопотамской цивилизации, была предшественницей письменности. Говоря языком археологов, она появилась в периоде Урук V. Штамп, известный с халафского периода, теперь начал вытесняться новым изобретением. Цилиндрическая печать – это небольшой цилиндр из полудрагоценного камня, обычно не больше человеческой ладони, с выгравированным рисунком, который катанием можно было перенести на влажную глину. (Примеры из более поздних периодов – см. фото 40, 69 и 70). Первоначальной целью была защита собственности. Дорогой предмет помещали в сосуд, который покрывали тканью или шкурой, завязанной шнуром. Шнур замазывали глиной, по которой прокатывали печать. Таким образом, магическая сила религиозной, культовой или мифологической сцены, изображенной на печати, переходила на сосуд и не позволяла испортить его без ведома хозяина. Изобретение цилиндрических печатей определенно имело место в Варке, поскольку ни в одном другом поселении урукской культуры ничего подобного не было обнаружено до начала периода Джемдет-Наср.

Хотя сцены, изображенные на цилиндрических печатях стадий Урук V и IV, дают представление о действующей в то время религии, довольно сложно решить, что эти сцены обозначали. На них часто представлены животные, в некоторых случаях присутствует религиозный символизм. Например, есть печать, на которой два горных барана, переплетенные змеи и орел расположены в композиции, напоминающей геральдическую. Самое распространенное изображение – листва и два животных – по одному с каждой стороны. Считается, что эта сцена символизирует деятельность бога Думузи. Встречается и символ богини-матери. На других печатях периода изображаются ритуальные сцены, включающие или приношения фруктов, овощей и мяса богам, или деятельность, связанную со стадами, посвященными богу.

Период Джемдет-Наср, как ступень, идущая непосредственно за слоями III и II в Варке, а значит, за урукским периодом, часто считается продолжением последнего. Это было время экспансии. В Южной Месопотамии (Вавилония), точнее, в ее самой южной части (Шумер) начиная с обейдского периода шел активный рост деревень и их превращение в города. Тому есть свидетельства из Эриду, Ура и Урука. Однако до Урука IV северная граница этого процесса, судя по всему, проходила по самому Уруку (Эреху). В центральной и северной части

Вавилонии общины (с отдельными исключениями) продолжали жить в небольших деревнях. В период Джемдет-Наср ситуация изменилась, возможно, благодаря усовершенствованию ирригационной техники, и города также начали развиваться в центре и на севере Вавилонии. Самые известные примеры – Ниппур, Киш и Эшнунна. Храм типа, соответствовавшего периоду Джемдет-Наср, был даже найден в Тель-Браке на Хабуре, хотя, поскольку в других поселениях Северной Месопотамии нет следов керамики Джемдет-Наср, остатки в Тель-Браке, вероятно, были перемещены туда какой-то группой людей с юга, а не в результате распространения культуры в более широком смысле.

Множество свидетельств культурного влияния Месопотамии в это время найдено в Египте. Очень важен факт, что цилиндрическая печать (месопотамское изобретение) встречается здесь в месте с методом строительства из кирпичей, чуждым для Египта, но типичным для культуры Джемдет-Наср. В Египте также в это время появились месопотамские мотивы и предметы в искусстве. Удивительный пример – изображения лодки месопотамского типа, вырезанной на рукоятке ножа (см. фото 3 и 48). Есть также несколько весьма любопытных египетских горшков, с очевидным месопотамским влиянием, а принцип письма (но не его техника) был определенно перенят египтянами у жителей Месопотамии. Местом, где шумеры (если именно ими были представители культуры Джемдет-Наср) и египтяне могли встретиться в то время, была Сирия, но существуют серьезные возражения такому объяснению, главное из которых заключается в том, что в Сирии в тот период не было обнаружено ни месопотамского, ни египетского влияния, которое должно было существовать. Представляется более вероятным, что египетские и месопотамские торговцы встретились на побережье Южной Аравии или Сомали, возможно, в процессе торговли ладаном.

Культурная экспансия в период Джемдет-Наср также затронула регионы к востоку и северу от Месопотамии. Соответствующие таблички с надписями находили в Сузах и Сялке, а цилиндрические печати добрались до самой Трои и поселения Тепе-Хиссар, расположенного у юго-восточной оконечности Каспийского моря.

В Южной Месопотамии цилиндрические печати, число которых постоянно увеличивалось, теперь давали более полную изобразительную информацию относительно существующего культа, чем на предыдущей стадии, однако толкование этой информации до сих пор является предметом споров. Главный вопрос – это степень, в которой Думузи или, скорее, ранний прототип этого бога плодородия может считаться главной фигурой. Богиня Иннин, женский аналог божества плодородия и богиня – покровительница Урука, теперь появляется на печатях, причем не антропоморфически (как, возможно, в статуэтках богини-матери более ранних периодов), а в виде символов, которые, как известно из исторического периода, ассоциировались с ней.

В дополнение к большому количеству цилиндрических печатей периода Джемдет-Наср существуют и более крупные предметы с изображением сцен, помогающих нам лучше понять религию древних. В этой связи большое значение имеет алебастровая ваза высотой более 3 футов из Варки, на которой сцены вырезаны в четырех регистрах, уменьшающихся в размерах от горлышка к дну (см. фото 11). В двух нижних регистрах мы видим ячмень, финиковые пальмы, овец и баранов – то есть растения и животных, от которых зависели люди и через которых боги проявляли свою благосклонность. На следующей ленте показаны люди, обнаженные, как и подобает человеку являться перед божеством, с приношениями. На самой верхней и широкой ленте изображена богиня или жрица, представляющая богиню, одетая в платье и своеобразный головной убор, перед символами, которые, как известно из более поздних времен, являются символами Иннин. Богиня или ее представительница (точно не известно, кто из них изображен) принимает корзину с фруктами. За ней другие дары. Считается, что все изображения связаны с обрядом священного брака на новогоднем праздновании (см. главу 11), от которого зависело плодородие земли. Конечно, такое специфическое толкование изображен-

ных сцен может считаться спорным, тем не менее не может быть никаких сомнений в том, что они связаны с культом плодородия. То же самое справедливо для сцен, вырезанных на каменном корыте периода Джемдет-Наср (см. фото 13). Здесь хижина – несомненно, культовая хижина, посвященная Иннин или ее прототипу. Предметы, расположенные по обе стороны от хижины, и тот, что находится на правом краю изображения, являются символами богини плодородия. Вся сцена, вероятно, была связана с культом, призванным дать плодovitость отаре.

Что касается материальной культуры, мы не слишком хорошо информированы: из-за того, что большинство раскопок, касающихся этого периода, шли в районах храмов, найдено очень мало инструментов и предметов домашнего обихода. Стало использоваться больше металлов. Теперь люди знали золото, серебро, свинец и медь. Ходили слухи о находке фрагмента железного орудия, но больше информации об этом не было. Из оружия люди знали лук, булаву и копье. Медный наконечник копья, относящийся к этому периоду, был найден в Уре, а лезвие медного кинжала – в Фаре. Среди прочих металлических предметов этого периода можно назвать то, что А.Л. Перкинс («Сравнительная археология ранней Месопотамии», 1949) назвал «двумя маленькими медными ложечками с длинными ручками (возможно, для косметики), причем рукоятка одной была скручена, как трос, и тяжелым медным инструментом с двумя зубцами с деревянной рукояткой». Рыболовные крючки, гвозди, зубила и еще несколько разных инструментов неустановленного назначения тоже были найдены. Медь также использовалась для изготовления сосудов, по большей части мелких кубков.

К этому времени уже появился тканый материал – его следы были найдены на медном амулете.

Краткий рассказ о периодах Урук и Джемдет-Наср (вместе называемых протолитературным или додинастическим периодом) касается только юга Месопотамии, территории, где позднее был Шумер и часть Аккада. Понятно, что на севере таких удивительных успехов не было и они добрались туда либо в процессе колонизации (как, вероятно, в Тель-Браке, единственном северном поселении, где найдены доказательства устойчивых связей с югом), или медленнее – в процессе диффузии культуры. Письменности в этот период не было ни в одном поселении севернее Диялы, да и гончарных изделий, относящихся к типу Джемдет-Наср, там не обнаружили. Представляется странным факт, что экспансия Джемдет-Наср оказала влияние на Египет и Иран, но не затронула север Месопотамии. Объяснение может быть следующим: на севере существовала процветающая, хотя и не столь продвинутая культура. На севере найдено довольно много характерной керамики, которая (за двумя исключениями) не была обнаружена на юге. Можно также предположить, что форма религии на севере отличалась от южной, потому что при раскопках северных городищ было обнаружено большое число святилищ, что указывает на существование пантеона, а не божественной четы, как в Уруке.

Важно, что один из храмов («западный храм» слоя VIIIc) в Тепе-Гавре, главном северном городище, впоследствии использовался в мирских целях – как склад. Это уникальное явление в истории месопотамской религии и может означать, что в какой-то момент поселение перешло от одной группы населения к другой, которая имела сходную материальную культуру, но иную религию и впоследствии намеренно осквернила сооружение, ассоциирующееся с презируемым культом.

Вслед за протолитературным идет раннединастический период, подразделенный на три части – I, II и III (I в нумерации – самая старая). Этот термин используется для обозначения времени, когда по всей Вавилонии процветали города-государства. Он начинается сразу после окончания периода Джемдет-Наср, когда письменность стала для нас читаемой, и занимает промежуток времени от трех до шести веков (разные ученые считают по-разному). В этой книге мы считаем, что период продолжался примерно с 2800 до 2400 г. до н. э. и завершился с возвышением первой империи – империи Саргона Аккадского. В этот период люди, называемые шумерами, заняли лидирующее положение. Именно они создали города-государ-

ства. Что же касается происхождения этих людей, ученые не могут прийти к единому мнению, к какой культуре, предшествовавшей раннединастической, они принадлежат. Учитывая, что уже в период Джемдет-Наср были видны некоторые экономические и религиозные черты шумерской цивилизации, лишь немногие ученые всерьез подвергают сомнению утверждение, что культура Джемдет-Наср была преимущественно шумерской. Между культурами Джемдет-Наср и Урук настолько сильна связь, что шумерскими можно считать обе. Споры в основном касаются более раннего периода, когда на смену обейдской культуре пришла урукская. Урукской культуре свойственны многочисленные преимущества по сравнению с обейдской, но тем не менее отчетливо видна преемственность в таких вопросах, как храмовая архитектура и, вероятно, культ. Одни ученые мужи уверены в существовании бреши между культурами, другие – в преемственности и плавном переходе из одной в другую. В соответствии с этим одни считают урукскую фазу знаменующей приход навязчивых шумеров на землю, уже обладающую всеми благами обейдской цивилизации, или считают ее развитием обейдской культуры, которая была создана предками исторических шумеров. В пользу первой теории говорит то, что некоторые старейшие шумерские города, основанные в обейдский период, носят названия, не являющиеся шумерскими. Пример – Лагаш или Ширпура (Телло).

Есть много теорий, однако нет никакой определенности в вопросе о родине шумеров. Сложность и непонятность их агглютинативного языка привела к тому, что его сравнивают, в большинстве случаев совершенно ненаучно, с несколькими дюжинами других языков, начиная от китайского и тибетского, дравидийского и венгерского (именно ему любители отдают предпочтение на сегодняшний день) и кончая языками Африканского континента, тихоокеанских островов и американских индейцев. При этом язык басков тоже не пропустили. А один еврейский ученый, человек большой эрудиции, но не лишенный человеческих слабостей в виде расовых предрассудков, поместил его на уровень волапюка², заявив, что шумерский язык никогда не был живым, естественным языком, а являлся искусственным созданием семитских вавилонских жрецов. Определенно можно сказать лишь то, что язык не родствен ни семитскому, ни индоевропейским языкам, является агглютинативным по своей структуре и, возможно, тоновым. Сегодня многие ученые признают, что язык не имеет существенной связи с расовыми корнями и лучше не пытаться решить проблему происхождения шумеров на основе одного только языка. Физическая антропология обеспечивает нас некоторыми данными на основе найденных остатков черепов, но толкование этих данных в высшей степени противоречиво.

Обсуждения места происхождения шумеров должны начинаться с допущения, что, откуда бы они ни появились, это был не Шумер. Многие были против этого допущения, но позиция против не была подкреплена ни одним убедительным доказательством. Шумер действительно не имеет туземных обитателей. Хотя прежняя гипотеза о том, что земля поднялась из Персидского залива только в 5-м тысячелетии до н. э., сейчас считается ложной, невозможно подвергнуть сомнению археологический факт: не было найдено никаких остатков человеческой культуры в Вавилоне вплоть до периода Эриду, который датируется примерно 4500 г. до н. э. или немного позднее.

Что же касается направления, откуда пришли шумеры, бесчисленные теории весьма противоречивы. Древнее предание, сохраненное греками, гласит, что был человек-рыба Оаннес, который приплыл по Персидскому заливу, неся с собой дары цивилизации. Это соответствует шумерским идеям: ведь, насколько нам известно из клинописных документов, бог мудрости Энки (это имя он носил у шумеров, семиты называли его Эа) был богом, ассоциировавшимся с водой. Более того, Энки был покровителем Эриду, древнего города на берегах лагуны Персидского залива. Уже говорилось, что при раскопках этого городища были найдены ранние следы

² Волапук – искусственный язык, созданный в 1879 г. немецким клириком Йоганом Шлейером, основанный на сильно измененных формах слов из английского и романских языков.

присутствия человека в Южной Вавилонии. А по шумерским документам Эриду был одним из пяти городов, существовавших до Потопа. Все это может указывать на прибытие шумеров морем с юго-востока вверх по Персидскому заливу. Кроме того, Тильмун, идентичность которого с Бахрейном уже можно считать установленной, имеет очень важное значение на ранней ступени развития шумерской религии, и было выдвинуто предположение, что он представляет собой шумерский культурный центр, существовавший даже раньше, чем Эриду. Это также подразумевает, что шумеры прибыли в Месопотамию по Персидскому заливу. Однако на сегодняшний день никаких археологических подтверждений этой теории нет, хотя раскопки в Бахрейне ведутся весьма активно.

Преобладающая идея, основанная на древних преданиях шумерской литературы, в первую очередь эпосах, и на обширных культурных связях между Шумером и Ираном (в особенности Эламом) в поздний доисторический и протоисторический периоды, заключается в том, что шумеры прибыли в Южную Вавилонию с востока или северо-востока. Важное место, которое занимает в шумерской религии зиккурат, также считается доказательством того, что домом шумеров были горы, но это не слишком убедительный аргумент, поскольку зиккурат представлял космическую гору и имел отношение не к конкретному району, а к космологии, которой придерживались представители Древнего мира, с небольшими изменениями, от Египта до Китая.

Некоторые пытаются связать корни шумеров с ранней культурой Индской долины, Южного Белуджистана или и того и другого. Культура жителей Индской долины (Хараппа), письменность которых до сих пор не расшифрована, может иметь отношение к доиндоарийским дравидийцам, следы которых сейчас найдены на юге Индии. А теория этнической связи между шумерами и представителями хараппской культуры особенно привлекательна для тех, кто видит лингвистическое родство шумерского и дравидийского языков. Существуют неоспоримые свидетельства в виде мотивов в искусстве и предметов материальной культуры, характерных для одной цивилизации и найденных при раскопках городищ другой, торговых отношений в 3-м тысячелетии между шумерами и населением Индской долины или Белуджистана. Более того, изображения культовых сцен с участием индийских горбатых быков находили в Уре и Сузах. Это предполагает наличие анклавов индийских купцов в Южной Месопотамии и Иране, которым требовалось утешение собственной религии. На основании этих свидетельств 3-го тысячелетия была экстраполирована теория о родстве между шумерами и дравидийцами, восходящем к урукскому периоду и простирающемся за пределы коммерческих и культурных отношений к этнической и лингвистической связи. Это весьма привлекательная теория, и недостает ей только одного – доказательств.

Также была сделана попытка совместить все предания и археологические свидетельства в одну теорию, постулировав две волны прихода шумеров с востока: одни следовали морем по Персидскому заливу, другие – сушей через Иран. Еще одна группа этих людей со временем мигрировала в Индскую долину. И если невозможно точно утверждать, что не могло быть никаких этнических перемещений по этим направлениям, в настоящее время ничто не доказывает того, что они были. Ранние контакты с Индией, как и с Египтом, можно объяснить торговыми связями, и для этого вовсе не нужны масштабные переселения народов. Да и оснований для вывода об общем происхождении дравидийцев и шумеров, равно как и о родственных связях между ними, строго говоря, нет. С уверенностью мы можем утверждать лишь то, что шумеры пришли из некой местности, расположенной к востоку от Вавилонии.

Раннединастическим мы называем период, в котором, несмотря на скудость документации и сомнительность ее толкования, произошел переход от доисторического периода к историческому. В это время шумерские города-государства достигли своего полного развития, и постепенно начался их упадок, а предания стали касаться не только определенных городов государств, но и исторических личностей. Мнения, касающиеся относительной ценности раз-

ных видов свидетельств об этом времени, разнятся очень широко. Самые надежные свидетельства, конечно, дают археологические раскопки, но их нередко очень сложно истолковать, да и они имеются далеко не везде. Шумерское сочинение, известное под названием Шумерский царский список, датированный 2-м тысячелетием до н. э., но включающий в себя и более древние материалы, дает подробную информацию о шумерских династиях 3-го тысячелетия до н. э. Правда, его составитель руководствовался ошибочной идеей о том, что каждая династия правила всем Шумером и Аккадом и начиналась и заканчивалась военной победой или поражением. Некоторые другие шумерские сочинения содержат мемуары весьма сомнительной ценности об истории и персоналиях 3-го тысячелетия до н. э. Практически бесценным независимым источником информации являются предания, переданные в греческой литературе из работы вавилонского жреца Беросса, датированной 3-м тысячелетием.

Шумеры, как и иудеи (позаимствовавшие историю в Вавилонии), имели предание о Всемирном потопе³. Шумерский царский список упоминает, что до Потопа существовало пять городов: Эриду, Бад-тибира, Ларак, Сиппар и Шуруппак. Эриду был, несомненно, как мы уже говорили, очень древним городом, а Шуруппак, вероятно, образовался в обейдский период. В Сиппаре велась скорее охота за табличками, а не научные археологические раскопки, и о его ранних слоях практически ничего не известно. Ларак пока не идентифицирован, а Бад-тибира – это, вероятно, современный Тель-аль-Мадине – не раскапывалась. Об этих городах Шумерский царский список говорит следующее: «Когда царская власть спустилась с неба, царство было в Эриду. В Эриду царем был Алулиум и правил 28 800 лет. Алалгар правил 36 000 лет. Два царя правили 64 800 лет. Я оставляю Эриду, царство перешло в Бад-тибину...»

Далее повествование идет согласно этой формуле. Одним из царей Бад-тибиры был «Думузи, пастух», который правил 36 тысяч лет. Связь между этим мифическим правителем и богом плодородия и пастухов, носящим то же имя, непонятна. Можно только утверждать, что богу плодородия и пастухов люди начали поклоняться намного раньше, чем он получил имя Думузи. В конце повествования о пяти допотопных городах в Шумерском царском списке сказано: «Всего было пять городов, восемь царей правили 241 200 лет».

Следует отметить, что ранняя часть этого предания, касающаяся Эриду, вероятно, относится ко времени еще до раннединастического периода. Об этом говорят археологические находки, которые доказывают, что Эриду не имел важного значения после урукского периода.

Две первые династии после Потопа, когда царство было ниспослано с небес во второй раз, царствовали в Кише на севере Вавилонии и в Эрехе на юге. Эриду перестал быть центром цивилизации, что доказывают археологические раскопки. Этот город был практически покинут задолго до начала раннединастического периода, возможно, из-за засоления почвы вследствие неправильных ирригационных процессов. Культурным центром на юге стал Эрех, что отражено в древней мифологии. Согласно мифу, Иннин, богиня Эреха, отправилась в Абзу (Апсу), святилище своего отца Энки в Эриду, где Энки устроил для нее великолепный пир. Как следует выпив хорошего вина, Энки решил проявить щедрость и одарил Иннин сотней подарков. Он подарил ей господство и божественную власть, корону и трон, скипетр и царскую власть, знатность рода и храбрость, воинскую силу и святость жреческого сана. Он научил ее ремеслам, дал ей заповедную тайну письменности и власть, заставляющую флейту и арфы

³ Утверждение, что сэр Леонард Вулли обнаружил свидетельство библейского Потопа в Уре, не соответствует фактам. Если илистый слой, обнаруженный Вулли, был нанесен потоком такого масштаба, как упомянут в Библии, такой же слой должен существовать на соответствующем уровне в каждом шумерском городе. Но это не так. Даже при раскопках вблизи Ура подобного слоя обнаружено не было. Но, даже не говоря об этом, предложенное Вулли объяснение фактов не является единственно возможным. Известно, что Евфрат неоднократно менял направление. И найденный Вулли слой вполне может быть отложениями самой реки в этот период. Кроме того, в то время, как упомянутый слой определенно состоит из детрита, принесенного рекой, нет никаких доказательств заявления Вулли о том, что он был отложен в своем теперешнем положении водой. Речь может идти о древней песчаной дюне. С уверенностью можно утверждать лишь одно: если этот слой на самом деле был результатом потопа, это был потоп чисто местного значения. (Примеч. авт.)

издавать сладостные звуки. Он велел погрузить в ладью богини истину и справедливость, добро и внимание, суд и решение, победу и мир, очищение тела и души. Протрезвев, Энки захотел вернуть подарки, но Иннин удалось доставить их в Эрех.

Археологи утверждают, что Урук (Эрех) имел важное значение уже в протолитературном периоде, но свидетельства дают нам информацию только об общих течениях. Зато, когда речь заходит о раннединастическом периоде, счастливый случай дает нам возможность представить хотя бы смутную картину действительных событий в Уруке и в какой-то мере во всей Месопотамии. Этот счастливый случай – появление в Уруке школы эпических писателей, чьи поэмы, известные нам по копиям из начала 2-го тысячелетия до н. э., содержат более подробную, чем Шумерский царский список, информацию о ранних традициях города и его правителях. Эти поэмы относятся ко II раннединастическому периоду или к началу III раннединастического периода.

Другой литературный источник в еще более расплывчатой манере рассказывает о более раннем периоде. Это мифы, сказания о поведении и деяниях богов. Считается, что мифы отражают социологию времени, когда шумерское общество выкристаллизовалось в города-государства, то есть, говоря языком археологов, в I раннединастическом периоде или даже в позднем протолитературном.

Т. Якобсен из Чикаго в двух интереснейших трудах увязал эти мифы и эпосы с археологическими свидетельствами и дал картину политической и социальной организации, а также событий в Шумере в раннединастическом периоде. К сожалению, изучение древних обществ, как все прочее, подвержено влиянию моды, и сегодня взгляд Якобсена на шумерское общество, являвшийся неоспоримым в течение довольно длительного времени, считается необоснованным. Это непонятно, потому что, кроме критических высказываний А. Фалькенштейна, которые могли потребовать некоторой корректировки первоначальных утверждений Якобсена, никто не опроверг его аргументов и никаких свидетельств его неправоты обнаружено не было. По этой причине в данной книге использован общий подход Т. Якобсена.

Согласно Якобсену, в раннем шумерском обществе исходный суверенитет опирался на общее собрание всех горожан, вероятно включая женщин. Они собирались вместе, когда возникала необходимость, чтобы решить, что делать. Высказываться могли все горожане, но мнение некоторых, особенно старейшин, имело больший вес. Обсуждение продолжалось, пока не достигалось единодушие, вопрос о голосовании и большинстве голосов не ставился. Окончательное решение объявлялось небольшой группой людей – законодателей. (Антрополог К. Россер изучил социальную структуру деревни в Гималаях и обнаружил, что метод принятия решения у них был практически идентичен описанному Якобсеном для архаичной шумерской общины.)

Среди периодически повторяющихся решений, которые собранию приходилось принимать, были выборы эна. Это слово позднее приняло значение «господин». В начале раннединастического периода этот человек был в первую очередь религиозным функционером, супругом божества (мужчиной или женщиной, в зависимости от того, кто был покровителем города – бог или богиня) и жил в священных апартаментах – эгипар (по-аккадски – гипару) при храме. Именно эн с самого начала играл главную роль в ритуале священного брака, от которого зависело плодородие в городе-государстве. В городах (таких, как Урук), где эн был мужчиной, его второстепенные административные функции, связанные с храмовыми землями, дали ему большое политическое влияние, и он быстро стал правителем. Пример – эн Гильгамеш. Очень рано появилось разделение светских и церковных функций эна, и уже в середине раннединастического периода он поселился в специальном дворце, где очень скоро обзавелся большим штатом, включавшим писцов, поваров, дворецких, ремесленников, музыкантов и обычных дворцовых функционеров. К концу раннединастического периода действительным правителем был, как показывают тексты из Лагаша, не эн, а чиновник, первоначально занимавшийся сельскохозяй-

ственными вопросами, – энси (см. далее в этой главе). Культовые обязанности исполнял жрец или жрица.

В случае нападения извне общее собрание избирало военного лидера или царя. Он жил не в храме и мог считаться мирским офицером. Должности эна и лугалья первоначально не были ни наследственными, ни постоянными, во всяком случае, должность лугалья давалась только на то время, пока в ней была необходимость.

Якобсен считает, что такая модель, названная им «примитивной демократией», распространилась в Шумере, когда он стал считаться политической единицей. Его главный аргумент – особое положение в более поздний исторический период Ниппура, города бога Энлиля. Этот город, вероятно, на самой ранней стадии развития шумерской культуры имел некую специфическую важность, потому что на всем протяжении шумерской истории цари разных городов-государств получали свою власть, признав не своего собственного городского бога, а Энлиля из Ниппура. Также шумерское слово «Шумер», возможно, первоначально означало «Ниппур». Такие факты легко объяснить, если Ниппур на раннем этапе обладал гегемонией над всем Шумером, но доказательств тому нет – ни археологических, ни литературных. Поэтому было выдвинуто предположение, что Ниппур получил особый статус, будучи в очень раннем периоде святилищем, куда обращались знатные люди всех шумерских городов для избрания в опасное время военного лидера. Такая стадия в развитии политической организации известна и в других культурах. В Шумере она, вероятно, появилась после подъема Шумера и превращения его в крупный город, что было в период Джемдет-Наср, но не позднее II раннединастического периода. Именно тогда появление стен вокруг шумерских городов могло считаться признаком потенциальной взаимной вражды между ними. Хотя не исключено, что все они, каждый в отдельности, готовились защищаться против общего внешнего врага. Якобсен относит образование предполагаемой Ниппурской лиги на счет давления со стороны семитов, которые совместными действиями оказались повернутыми на хуже защищенный север. Эту гипотезу подтверждают многочисленные свидетельства аккадской (семитской) оккупации Диялы из II раннединастического периода. Не исключено, что эта волна семитов сначала появилась в Вавилонии во время I раннединастического периода.

Якобсен отмечает, что эн или лугаль после назначения старался сохранить должность, даже если необходимости в ней больше не было, и обе должности все чаще стали давать одному и тому же человеку. Тенденция к росту постоянного царствования отражена в мифе о боге войны Нинурте. В мифе он имел постоянные войска, с которыми совершал набеги за пределы своего государства, а внутри государства он занимался исправлением несправедливостей. Он не терпел оппонентов, и когда в мифе растения собрались, чтобы выбрать себе царя, Нинурта уничтожил потенциального противника в бою и ликвидировал оппозицию, так сказать, в зародыше.

Тем не менее лугаль или эн, даже сделав свою должность постоянной, не был абсолютным правителем. Например, Гильгамеш, могучий полубог-полубог, когда пожелал идти войной на Аггу из Киша, сначала проконсультировался со старейшинами. Те выступили против, и ему пришлось созывать собрание всего мужского населения города, чтобы заручиться его поддержкой. Только после этого он смог приступить к исполнению своих планов.

Эта стадия, когда эн был постоянным, но не абсолютным правителем, может быть отнесена к II раннединастическому периоду или к началу III раннединастического периода, к которому также относятся все шумерские эпосы. Если мифы касались богов, то эпосы – людей или полубогов, таких как Энмеркар и Гильгамеш. В одном из них дается рассказ, который очень хочется считать правдой, о торговле в столь ранний период между Уруком и городом в горах Луристана (Западный Иран). Энмеркар, эн Урука, захотел построить и украсить лазуритом святилище богини Иннин. Она также была его двоюродной бабушкой. Родственные связи героя с богиней предполагают, что история относится к началу эпического периода. Охва-

ченный благочестивым стремлением, Энмеркар отправил гонца к правителю Аратты, которая лежала восточнее за семью горными хребтами, с требованием, чтобы ему послали лазурит, и лес, и караван ослов с грузом ячменя, который давал такой хороший урожай на земле Шумера. При этом появление каравана навьюченных ослов, идущего по горным дорогам, уподоблялось муравьям, выползающим из своего муравейника. Эн Аратты также считался под защитой Иннин, и поэма, таким образом, отражает общую религию и экономическую культуру в обширном регионе от Евфрата до гор Ирана. Это подтверждается археологическими свидетельствами материальной культуры того времени. Важно отметить, что в споре, разгоревшемся между Энмеркаром и энм Аратты, вооруженное противостояние не рассматривалось как окончательное решение проблемы. Это также подтверждается археологическими свидетельствами, согласно которым только с началом II раннединастического периода, началось массовое укрепление городов, что предполагает междоусобицу. Фортификационные работы приписываются другому последователю Энмеркара – Гильгамешу, строителю великой стены вокруг Урука. Хотя на территорию Урука (согласно эпосам) еще во время правления Энмеркара вторглись семитские кочевники (см. далее в этой главе), только во времена Гильгамеша началась осадная война между городами. Как мы узнаем из другого эпоса, защищенный стеной город Гильгамеша был осажден Аггой, царем Киша.

В Кише, согласно Шумерскому царскому списку, появилась Первая династия на севере Вавилонии после Потопа. Этот город был раскопан до девственной почвы, и, если не считать нескольких неолитических остатков, которые не были отнесены ни к одной из ранних культур Месопотамии, самое раннее поселение в Кише возникло в период Джемдет-Наср. Старая неолитическая стоянка в это время была перемещена, возможно, в ходе шумерской экспансии, последовавшей за технологическим прогрессом урукского периода. Хотя нельзя не заметить, что культурный фон в Кише не был чисто шумерским. Даже некоторые ранние правители в Кише носили семитские имена, и ряд черт в искусстве и архитектуре города не совпадают с чертами южных городов. Такие факты можно объяснить, допустив, что к концу периода Джемдет-Наср сюда проникла волна семитов из Аравии или Сирии, создав Киш и Мари (город в среднем течении Евфрата) – свои главные центры. Семитские захватчики действительно упоминаются в эпической литературе. В одном месте говорится, что Энмеркар, эн Урука, подвергся натиску марту (шумерское название ранней группы семитов с запада). Однако семитские захватчики быстро «шумеризировались», вступив в контакт с более цивилизованным населением, и большинство следующих правителей Киша имели шумерские имена. Период ассимиляции и, возможно, презрение цивилизованных горожан к варварам-кочевникам, вторгшимся на их землю, отражен в мифе. В этом мифе бог Марту, который носит имя, под которым известны семитские кочевники, хочет жениться на девице Казаллу (северный шумерский город). Деве сказали, что Марту ест мясо сырым, никогда не имел дома и после смерти не будет погребен. Деву это не оттолкнуло, и брак, знаменующий слияние рас, состоялся.

Киш был самым важным центром Северной Вавилонии в раннединастический период, и впоследствии, даже когда он больше не считался независимой династической столицей, его название включалось в титулы правителей, правивших Вавилонией. Якобсен выдвигает интересное предположение, заключающееся в том, что Агга, царь Киша, уже был в положении, позволявшем ему осуществлять господство над городами-государствами юга, и в войне между Аггой и Гильгамешем последний был, по сути, взбунтовавшимся вассалом. Попытка создать политическую единицу, более крупную, чем город-государство, могла быть как следствие роста и укрепления царской власти. Царь создавал в разных городах дворы, в которых придворные хранили верность царю, а не городу, в котором они жили. Существуют некоторые свидетельства в поддержку этой теории в экономических документах, которые к началу III раннединастического периода (к которому или чуть раньше могут быть отнесены Агга и Гильгамеш)

стали для нас более или менее читаемыми и вполне правдоподобно дополняющими некоторые детали современной жизни.

Далее перечислены древнейшие таблички, найденные при разных раскопках, в следующей примерной хронологической последовательности, от старых к более новым:

I – слой IVa в Уруке (период Урук IVa) (очевидно, современной ему была единственная известняковая табличка из Киша с пиктограммами);

II – слой III и II в Уруке; таблички со стоянок древних людей в Джемдет-Наср и Тель-Укайре (период Джемдет-Наср);

III – таблички из Ура (I раннединастический период);

IV – слой I в Уруке; таблички из Фары (III раннединастический период).

Сомнения относительно языка возможны только с табличками периода Урук IVa, и даже здесь в некоторых случаях пиктографическое письмо дает возможность выдвинуть разумные догадки относительно содержания. Самые ранние письменные свидетельства, определенно шумерские, относятся к периоду Джемдет-Наср. Это группа (несколько раз повторенная) трех символов, которые мы можем представить как X-Y-Z. Два символа – X-Y узнаваемы своей фактической идентичностью с формами, найденными в Шумере позднее, как имя бога – «господин воздух», по-шумерски – Энлиль (EN.LIL). Эта идентичность, однако, сама по себе не доказывает, что символы X-Y были прочитаны как шумерские, поскольку Энлиль (EN.LIL), по-видимому, может быть буквальным переводом фразы, обозначенной этими символами, в раннем языке.

– вполне узнаваемое изображение стрелы.

Но так как есть несколько контекстов, в которых «господин воздух – стрела» может иметь смысл, следует найти язык, в котором слово, обозначающее стрелу, имеет омоним, более подходящий здесь. Такой язык – шумерский. В нем TI (письменное изображение которого в более поздние периоды явно произошло от пиктограммы, названной нами Z) означает и «стрела», и «жизнь» или «жить». Прочитав знак Z как TI во втором смысле, мы получим вполне смысловую фразу. «Энлиль, дай жизнь!» – это имя собственное очень распространенного в шумерской и вавилонской цивилизации типа. Поэтому группа X-Y-Z должна читаться на шумерском как EN.LIL.TI, и это язык текстов периода Джемдет-Наср.

Более или менее понятные нам таблички начиная с этого периода и далее можно разделить на экономические и литературные. Однако термин «литературные» на этой стадии, пожалуй, является слишком претенциозным. На табличках этого класса обычно имеется список предметов, например виды рыб, птиц, животных, растений, богов и т. д., образуя своего рода примитивный лексикон. Основной источник «литературных» табличек – Фара (древний Шуруппак), дом вавилонского аналога Ноя. Но известны такие таблички и с других мест раскопок. Более интересными являются «экономические» таблички, дающие нам больше информации для понимания III раннединастического периода. Некоторые экономические тексты – записи из дворца в Фаре. В них упоминается множество самого разного персонала. Якобсен отмечает, что цифры в некоторых категориях кажутся слишком высокими для дворцовой челяди. К примеру, упоминается о 144 виночерпиях и 65 поварах. Очень похоже, что документы на самом деле касаются военного персонала, организованного как дворцовая челядь. Такое толкование подтверждается фактом, что в записях из этого дворца упоминается также ремонт боевых колесниц и список войск, идущих в бой. Все это также подтверждает вывод, что к началу III раннединастического периода цари уже достигли положения, в котором могли содержать гарнизоны в ключевых городах.

Также очевидно, как говорится в эпосе «Гильгамеш и Агга из Киша», что баланс сил в пользу сюзерена был очень шатким и один город мог выступить против него и добиться

успеха. К моменту появления первых исторических надписей (в середине III раннединастического периода) попытка Киша расширить свое господство провалилась, и Шумер состоял из большого количества небольших независимых царств и городов-государств.

В шумерских городах-государствах, когда мы впервые встречаем упоминание о них в исторических надписях, был свой правитель – энси. Этот титул, судя по всему, первоначально означал лидера, который организует население для сезонных сельскохозяйственных работ. Титул лугалья применялся к правителю, который, помимо правления в собственном городе, расширил свою власть и на другие города-государства. Известны имена некоторых правителей городов-государств, одни из Шумерского царского списка, другие из надписей (обычно это посвящения в храмах) самих правителей. В этом отношении мы лучше всего информированы о Лагаше. По делам этого города-государства мы узнаем многое о жизни и истории шумеров начиная с середины 3-го тысячелетия до н. э.

Городище Лагаш (современный Телло) расположено в центре плодородного региона, пересеченного ирригационными каналами, которые питаются от Шатт-эль-Хаи, канала, соединяющего Тигр и Евфрат. В древности этот же самый канал вместе с другим, называемым Лумма-гирнун, обеспечивал Лагашу не только богатый урожай, но и процветающую речную торговлю и как следствие материальное процветание. Экономическая и социальная стабильность создавала условия, при которых династия, основанная Ур-Нанше, с успехом правила в течение целого столетия.

Соседний город – Умма, также расположенный на канале Шатт-эль-Хаи, располагался к северу от Лагаша на другом берегу Лумма-гирнуна. Вода по Шатт-эль-Хаи текла с севера на юг, и Умма благодаря своему географическому положению могла мешать снабжению Лагаша водой. Это неоднократно приводило к конфликтам между городами. Документы, содержащие записи о таких событиях, являются источниками наших первых основательных исторических знаний после 2500 г. до н. э. Самыми ранними из таких документов являются надписи Эаннатума (третий правитель династии) на камне, установленном им в ознаменование своей победы над Уммой. Стела называется «стелой коршунов», напоминая о хищных птицах, раздиравших тела убитых в битве, принесшей победу Эаннатуму. Несколько позже надписи на конусе Энтемены, племянника Эаннатума, рассказывают нам о конфликте между Уммой и Лагашем в течение нескольких поколений.

Такие записи также дают нам информацию о более широких аспектах политической организации шумеров, дополняя наши знания, полученные из Шумерского царского списка, литературных и экономических текстов. Надписи Эаннатума и Энтемены упоминают о более раннем споре, в котором некто «Месилим, царь Киша» служил арбитром, урегулировав условия мира и установив пограничный камень между территориями двух городов. Представляется очевидным, что он занимал главенствующее положение. Точная дата правления Месилима неизвестна, но он определенно был реальной исторической личностью, жившей, возможно, веком или двумя раньше чем Эаннатум. Известны две его надписи из Лагаша и Адаба. Представляется маловероятным, отчасти из соображений хронологии, отчасти потому, что его имя не встречается в Шумерском царском списке, что Месилим был царем самого Киша в те времена, когда этот город претендовал на господство в Шумере. Скорее он был царем какого-то другого города-государства, который установил контроль над по крайней мере частью Аккада и впоследствии получил от Энлиля из Ниппура древний и завидный титул «царь Киша». Это означало существование других временно успешных попыток установить господство над всем Шумером после Агги из Киша.

Другим городом, который мог временно установить свое господство, был Ур. Династия Ура упоминается в Шумерском царском списке в период, который археологи называют III раннединастическим. Некоторые правители этой династии (которую называют Первой династией Ура) известны из надписей. К началу этого периода относятся «царские» гробницы Ура (см.

главу 11), имеющие весьма впечатляющее содержимое, важные для понимания истории религии, но не имеющие особого значения для обогащения наших знаний по социальной и политической истории.

Правительство шумерских городов-государств в это время было теократическим. Почти все городские земли принадлежали храму, и энси был управляющим городского божества. Он и его семья управляли храмовыми поместьями, имея для этого внушительный штат чиновников. Вполне вероятно, что энси первоначально выбирался свободными горожанами, но к середине 3-го тысячелетия до н. э. эта должность, по крайней мере в Лагаше, где мы знакомы с ситуацией наиболее полно, стала наследственной.

Храмовые земли подразделялись на три категории, о которых говорится дальше (см. главу 6). В одну из категорий входили земли, которые сдавали издольщикам. Выплачивалась арендная плата, эквивалентная 1/3 урожая, причем 1/6 ее часть серебром, остальное – натурой. Хотя частная собственность на землю была очень редкой почти до конца 3-го тысячелетия до н. э., существующая в Лагаше экономическая система позволяла накапливать богатства в руках частных лиц. В то же время военные успехи Лагаша при Эаннатуме существенно укрепили власть энси. Престиж самого Эаннатума был так высок, что он был допущен в шумерский пантеон. Эти течения нарушили равновесие в существовавшем изначально экономическом укладе, и начались перемены, которые по меньшей мере одна часть населения сочла злоупотреблениями. Поскольку экономическая система содержала элементы и государственного социализма, и капитализма, можно, в соответствии с политическими предпочтениями, посчитать эти злоупотребления естественными последствиями либо одного, либо другого. Основных жалоб было две: энси рассматривает храмовые земли и имущество бога как свою личную собственность, а горожане были вынуждены выплачивать очень высокие налоги, которыми их облагали и энси, и храмовые чиновники. Налогами облагалось все: скот, рыбный промысел, овцеводство, развод, погребение. В результате экономических переустройств образовался класс богатых людей, которые посредством займов могли угнетать бедных. Богач давал бедняку заем, а потом отбирал его дом, скот или другую собственность в погашение долга.

Возможно, одним из последствий разрушения экономики в Лагаше стал конец династии Ур-Нанше. Ее упадок сопровождался интересной социологической тенденцией, связанной с экономическими переменами, а именно подъемом светской власти, отдельно от религиозной. Это нашло свое отражение в последующем политическом развитии. По мнению советского ученого И.М. Дьяконова, шла острая борьба между жрецами и аристократией, выступавшей за автономию храмовых поместий, с одной стороны, и энси, который пытался укрепить свою власть аннексией храмовых владений, с другой стороны. Некоторые ученые говорят о «клерикальной» и «антиклерикальной» партиях в последовавших династических изменениях, но это, на мой взгляд, анахронизм и излишнее упрощение.

Урукагина, один из правителей, пришедших к власти в этот период, спустя 13 лет после конца династии Ур-Нанше, попытался разобраться с взаимными претензиями и вернуть прежние условия. В надписи он перечисляет злоупотребления (из нее взяты подробности, приведенные выше) и реформы, проведенные для снижения непомерных налогов и издевательств над бедными:

«Назначенный жрец больше не может зайти в сад авилума и свалить дерево или взять плоды.

Если авилум имеет хорошего осла, который приносит осленка, а его патрон говорит: «Я куплю его», если человек хочет продать его, он [авилум] говорит ему [патрону]: «Отвесь достаточное количество серебра». Если же он [авилум] не хочет продавать, недовольный патрон не может заставить его.

Если авилум выкапывает рыбный пруд, никто из господ не может брать у него рыбу».

В другом параграфе надсмотрщикам пастухов и рыбаков запрещалось получать доход непосредственно от своих подопечных – только у храмовой администрации. Также приведены цифры, касающиеся снижения налогов в связи с такими событиями, как свадьба, развод и погребение. Фискальная реформа затронула овцеводство. Однако все это не принесло Лагашу ожидаемого экономического могущества и стабильности, и Урукагина стал жертвой соперничества, которое всегда существовало между Лагашем и соседним городом Умма, царь которого – Лугальзагеси вскоре после 2400 г. до н. э. разрушил Лагаш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.